

УДК 37.017.4

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Кожанов И.В., Варламова М.В., Кожанова М.Б.

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»,
Чебоксары, e-mail: i.v.k.21@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования гражданской идентичности личности на основе этнокультурного наследия. На примере этноэстетических традиций чувашского народа, центральное место в которых занимают «семь благословений», показываются заложенные в них национально-этнические ценности, которые в контексте культуры народов мира предстают как ценности общечеловеческие, в чем проявляется их значительный воспитательный потенциал. Они служат для подрастающего поколения примером, формируют этническое самосознание, при этом, в силу своей общенациональной значимости, становятся связующим звеном, основой для гражданских и общечеловеческих ценностей, тем самым способствуя формированию человека-гражданина, готового эффективно функционировать в условиях поликультурной среды, живущего по принципам толерантности, диалога культур, нормально воспринимающего другие культуры, мнения, отличные от его собственного, уважающего права и свободу других людей.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, этнокультурное наследие

CIVIL IDENTITY FORMATION OF A PERSONALITY ON THE BASIS OF ETHNOCULTURAL HERITAGE

Kozhanov I.V., Varlamova M.V., Kozhanova M.B.

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, e-mail: i.v.k.21@mail.ru

Article is devoted to the problem of civil identity formation of a personality on the basis of ethnocultural heritage. On the example of ethnoaesthetic traditions of the Chuvash people, the central place in which is taken by «seven blessings», the national and ethnic values, that put in them, are shown. In the context of culture of people of the world, they appear as universal values in what their considerable educational potential is shown. Ethnic values promote formation of ethnic consciousness, thus, owing to the national importance, become a link, a basis of civil and universal values, that contribute formation of a person as a citizen ready for effective functioning in the conditions of the polycultural environment, living by the principles of tolerance, the dialogue of cultures, normally perceiving other cultures, other opinions, respecting rights and freedom of other people.

Keywords: identity, civil identity, ethnocultural heritage

Актуальность исследуемой проблемы. Проблема формирования гражданской идентичности является актуальной для любой эпохи и любого государства. В полиэтнической мультикультурной Российской Федерации решению данного вопроса уделяется значительное внимание. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666, указывается на то, что главными целями государственной национальной политики Российской Федерации являются: упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России [8].

Соответственно перед обществом поставлена задача формирования личности как представителя определенного этноса (носителя его культуры), а также личности – гражданина своей страны. При этом можно говорить о том, что без сформированного этнического самосознания, без опо-

ры на этнокультурное наследие невозможно и эффективное формирование гражданской идентичности личности [4]. Поэтому проблема формирования гражданской идентичности личности на основе этнокультурного наследия требует отдельного исследования.

Материалы и методы исследования

В качестве основного метода исследования мы использовали теоретико-методологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Неотъемлемой частью культурного наследия любого народа является этноэстетическое наследие. В произведениях этноэстетической культуры, с одной стороны, отражаются мысли и чувства, фиксируются менталитет и характер отдельного этноса, его отношение к миру. С другой стороны, этноэстетические традиции, являясь национально-этническими ценностями в контексте культуры народов мира, предстают как ценности общечеловеческие, становятся явлением общественного значения в масштабе нации и человечества, в чем безусловно проявляется их значительный воспитательный потенциал.

Все вышеназванное в полной мере относится к чувашскому народу. Об их эстетических представлениях можно судить по огромному синонимичному полю слов, обозначающих прекрасное и саму красоту. Всего выявлено около 70 слов, выражающих тот или иной аспект прекрасного. Т.Н. Петрова приводит некоторые из них: *илем* (прекрасное, суммирующий идеал красоты); *чипер* (милая красота, красота поведения, нравственная красота); *чечен* (изящная красота, преимущественно красота внешняя); *маттур* (красота здоровья, силы, смелости, ловкости), *черчен* (нежная, хрупкая красота); *серён* (умная, разумная, мудрая красота); *хат* (уютная красота); *ёлккен* (пышная, величественная красота) [6].

Представленные примеры характеризуют многогранность в понимании прекрасного чувашским народом, осознание необходимости сочетания внешней и внутренней красоты, что находит отражение в ключевом для этноэстетического наследия чувашей понятии «*сиче пил*».

Понятием «*сиче пил*» в чувашской культуре объясняют нормы, определяющие этнический идеал воспитанного человека. «*Сиче пил*» переводится как «семь благословений (благопожеланий)», чаще всего упоминаются трудолюбие, ум, здоровье, доброта, дружба, целомудрие, честность.

С понятием «*сиче пил*» тесно связана чувашская этномызыкальная традиция «*сёртин юрă*» («сто тысяч песен»). При этом под понятием «*юрă*» («песня») чувашским этносом подразумеваются многие музыкально-поэтические жанры фольклора, такие, как музыкальная поэзия, музыкальные моления и молитвы, наигрыши и песнопения, народная ритмопластика и т. д.

По словам М.Я. Сироткина, «в чувашском народно-поэтическом творчестве, как и в устной поэзии любого народа, запечатлен житейский и социально-исторический опыт, коллективный разум и чувства большинства – трудящихся» [7].

По мнению Г.Н. Волкова, этнический музыкально-художественный язык содержит богатейший репертуар эстетических эмоций народа, он живо иллюстрирует радость и горе, благословение и совет, любовь к Родине и преданность семье, роду, в нем ярко и живописно воплощен идеал совершенного человека, человека, на которого должна равняться целая нация [2].

Чувашские народные песни и танцы в полной мере отражают мировоззрение, менталитет и систему ценностей чувашей. Также, как и трудолюбие находится на первом месте среди «семи благословений» чувашского народа, так и песни о труде за-

нимают значительное место в песенном творчестве. Во многих песнях говорится об орудиях труда, предмете труда и его результатах, могут сообщаться трудовые сведения, хозяйственные советы, приемы работы. При этом музыкально-поэтическое содержание подается в такой художественно-образной форме, что каждая из них становится, по сути, гимном труду. Одной из таких песен чувашского народа является старинная обрядовая застольная песня «*Алран кайми аки-сухи*», воспевающая труд как самый главный жизненный принцип.

В большинстве записанных в деревнях и селах Чувашии, Татарстана и Башкортостана чувашских народных песнях слышны мотивы преданности и любви к семье и родителям, соседям и землякам (*таванмерсем*), а о поэтах и музыкантах чувашей говорят «*кăмăлĕне пуян сын*» – «душой богатый человек».

Действительно, значение этномызыкальной культуры для чувашского народа подчеркивается особо уважительным отношением к певцам-исполнителям и музыкантам. В рассказе чувашского писателя М.Н. Юхмы певец *Саргамыш*, заблудившись в лесу, попадает в плен к жестокому и беспощадному Удаману. Но грозный вождь падает ниц перед певцом и приказывает своим разбойникам: «Поклонитесь этому человеку. Он *юрăс!* Певец!» [1]. *Саргамыш* – музыкально-поэтический образ-символ певца-сказителя чувашского народа, сравнимый с Орфеем Древней Греции, с Микаэлом Мадрекили и Шота Руставели древней Грузии, с Бояном и Нестором древней Руси. Из всех имен музыкантов-исполнителей, сохранных коллективной памятью чувашского народа, на слуху остаются *Эмине*, *Туймърса*, *Илабай*, *Султанпике*, *Якку-Мижавай*, *Сеххеме*, *Чегес* и др.

Центральное место в музыкально-хореографических традициях чувашского народа занимает хоровод (в чувашской транскрипции – *карти*). Главной особенностью чувашского хоровода является его жанровое разнообразие: *уяв карти* – праздничный хоровод, *юрă карти* – песенный хоровод, *вайй карти* – игровой хоровод, *таий карти* – танцевальный хоровод, *карта ваййисем* – хороводные игры.

Особого внимания заслуживает *юрă карти* (песенный хоровод). Он синтезирует в себе два музыкальных начала – вокальное и танцевальное, две музыкальные стихии – широкую, распевную, тихую лирическую песню и медленный танец. *Юрă карти* характеризуется плавностью и кругообразностью движений («*савра юрă*»), а главным

является спокойный, безмятежный настрой участников хоровода.

Как в хороводе, так и в сольном исполнении для передачи женского музыкально-хореографического образа используются мягкие телодвижения, нежные изгибы рук, плавные повороты головы. Чувашская девушка скромна и немногословна и только в танце может «рассказать» о своих чувствах, не голосом, а пластикой, ведь даже глаза в традиционном сольном женском танце «молчат». В связи с этим для нас особый интерес представляет поэтическое сравнение одного из выдающихся русских исследователей Н.Г. Гарина-Михайловского чувашского женского танца с магическими действиями древнеримских жриц-весталок: «...такое оригинальное и пение, и зрелище, какого я никогда не видел. Большой круг плавно и медленно двигался; девушки шли в пол-оборота одна за спиной другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу... Что опера, что романсы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о проносящихся веках? Разве передадут эту песнь народа две тысячи лет сквозь всю тоску проносящего с собой яркий образ прежней жизни? Разве можно выдумать такую песнь?» [3].

В чувашской национальной хореографии девичий танец завораживает зрителя не сложностью танцевальной лексики, а изяществом – словно белая лебедь, плывет девушка, очаровательны и грациозны движения ее нежных рук, полон внутренней красоты изгиб ее корпуса и головы. Пластический рисунок рук вообще играет важную роль в чувашском женском танце, является основным средством выражения души, характера, образа и содержания танца. Ничего лишнего в движениях девушки быть не может. Голова приподнята, при этом глаза слегка опущены. Ноги во время танца почти не отрываются от пола, руки не должны были подниматься выше груди, хотя допускались движения, имитирующие сбор хмеля.

Мужской же танец чувашей, напротив, достаточно темпераментен, быстр, напорист, виртуозен. Пластика чувашского мужского танца определяется, прежде всего, характером чувашской ментальности, культурой этикета. В мужском танце проявляется активное начало (юноша приглашает девушку), уважение к женщине (девушка завершает танец), уважительное отношение к окружающим. Недопустимо, чтобы мужчина открыто выражал свои эмоции в танце, движения его могут быть экспрессивными, но экспрессия должна читаться не на его лице, а в подчеркнутом благородстве дви-

жений, строгой пластике, не допускающей излишней раскованности. В танце юноша имел возможность своей статью, своим выходом или подступом выразить уважение к партнерше, очаровать ее, сделать так, чтобы понравиться окружающим и утвердиться в обществе как человек, умеющий красиво танцевать.

Особое место в этноэстетическом наследии чувашского народа занимают музыкальные ритуалы и традиции чувашской свадьбы. Русский литератор Александр Миних отмечал, что «чуваша преимущественно пляшут на свадьбах, увеселительных вечерах (*сурхури, кешерни кас, хёр сёр*) и прочих гуляниях. На эти торжества приглашают музыкантов: скрипачей, гусяров, пузыричков, которые играют чисто национальные мотивы, приятные для чувашей. Под аккомпанемент скрипок, гуслей и пьюрей чуваша исполняют пляски, которые, как мне известно, вовсе не похожи ни на русские, ни на польские, ни на татарские. Здесь считаю нужным познакомить читателя с одной оригинальной пляской, которую чуваша всегда исполняют парами. Пляска носит название «*хёрарём таиши*» (женская пляска), хотя пляску эту женщины исполняют иногда вместе с мужчинами, но большей частью женщины с женщинами или девицы с девицами...» [5].

Свадьба – это целый пласт чувашской культуры, целый институт музыкально-исполнительских традиций и обычаев народа, его этики, нравственности, умения адаптироваться в обществе и быть в нем равным со всеми. Человек, пришедший на свадьбу, не имел права не уметь петь и танцевать, иначе его считали некультурным и даже неполноценным. Ни одна свадьба не обходилась без приглашения знаменитых музыкантов-исполнителей и танцоров. Есть свидетельства того, что устраивались и специальные состязания танцоров, к их искусству предъявлялись очень высокие требования. В старину у чувашей свадебный обряд ассоциировался не столько с застольем, сколько с исполнением сольных, ансамблевых, хоровых песен и, безусловно, сольного, парного и коллективного исполнения танцев.

Выводы

Центральное место в этнокультурном наследии чувашского народа занимает понятие «*сиче пил*» («семь благословений (благпожеланий)»), находящее свое продолжение в этномызыкальной традиции «*сёр пин юр*» («сто тысяч песен»), под которой понимается большое разнообразие музыкально-поэтических жанров, а также народная ритмопластика. Выраженные через «семь

благословений (благопожеланий)» этнические ценности присутствуют как в содержании песен и танцев, так и отражаются в самой манере их исполнения. Они служат для подрастающего поколения примером, формируют этническое самосознание, при этом, в силу своей общенациональной значимости, становятся связующим звеном, основой гражданских и общечеловеческих ценностей, тем самым способствуя формированию человека-гражданина, способного эффективно функционировать в условиях поликультурной среды, живущего по принципам толерантности, диалога культур, нормально воспринимающего другие культуры, мнения, отличные от его собственного, уважающего права и свободу других людей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЧГПУ им. И. Я. Яковлева в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование ценностных ориентаций у учащейся молодежи как фактор становления гражданской идентичности личности», проект № 7.

Список литературы

1. Варламова М.В. Этноэстетическая культура и этноэстетическое воспитание. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. – 206 с.
2. Волков Г.Н. Чувашская этнопедагогика. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 2004. – 488 с.
3. Гарин-Михайловский Н.Г. В сутолоке провинциальной жизни: очерки 1886–1896 гг. // Собрание сочинений в пяти томах. – Том 4. – М.: ГИХЛ, 1968. – 505 с.
4. Кожанов И.В., Петрова Т.Н. Научно-теоретические подходы и принципы формирования гражданской идентичности личности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2013. – № 1. – Ч. 1. – С. 83–89.
5. Миних А. Цвет и звук: заметки // Чуваши в русской литературе и публицистике: в 2-х т. – Т. 2. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2002. – С. 237.
6. Петрова Т.Н. Чувашская педагогика как феномен мировой цивилизации. – М.: Прометей, 2000. – 201 с.

7. Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с.

8. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=70284810&linkType=65537> (дата обращения: 22.12.2014).

References

1. Varlamova M.V. *Etnoesteticheskaya kul'tura b etnoesteticheskoe vospitanie* (Ethnoesthetic culture and Ethnoesthetic upbringing). Cheboksary, 2012, 206 p.
2. Volkov G.N. *Chuvashskaya etnopedagogika* (Chuvash ethnopedagogics). Cheboksary, 2004, 488 p.
3. Garin-Mihaylovskiy N.G. *V sutoloke provintsial'noj zhizni: ocherki 1886–1896 godov*. Vol. 4. Moscow, 1968, 505 p.
4. Kozhanov I.V., Petrova T.N. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva*, 2013, no. 1, ch. 1, pp. 83–89.
5. Minih A. *Chuvashi v russkoj literature I publitsistike*. Vol. 2. Cheboksary, 2002, p. 237.
6. Petrova T.N. *Chuvashskaya pedagogika kak fenomen mirovoj tsivilizatsii* (Chuvash pedagogics as a phenomena of world civilization). Moscow, 2000, 201 p.
7. Sirotkin M. Ya. *Chuvashskij fol'klor* (Chuvash folklore). Cheboksary, 1965, 132 p.
8. Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda (The strategy of state national politics of the Russian Federation to the period till 2025 year). Available at: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/linkProxy?subjectId=70284810&linkType=65537> (accessed 22.12.2014).

Рецензенты:

Павлов И.В., д.п.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и яковлеведения, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары;

Петрова Т.Н., д.п.н., профессор, проректор по научной и инновационной работе, ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», г. Чебоксары.

Работа поступила в редакцию 12.02.2015.